

УДК 2

**КОНЦЕПЦИИ ЧЕЛОВЕКА В ФИЛОСОФСКОЙ ТРАДИЦИИ
И СВЯТООТЕЧЕСКОМ ПРЕДАНИИ:
ФЕНОМЕН АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО КРИЗИСА**

Колядко Николай Сергеевич,

Слуцкий государственный колледж (г. Слуцк, Беларусь)

Колядко Илья Николаевич,

Белорусский государственный университет (г. Минск, Беларусь)

В статье рассматривается специфика концептуального осмысления проблемы человека в философии Нового времени и святоотеческом наследии православной Церкви. Выявлена взаимосвязь кризисных процессов современности в форме антропологического кризиса с проблемой осмысления и понимания сущности человека.

Проблема человека является одной из самых дискуссионных в дисциплинарных научных и социально-философских исследованиях. В истории философской мысли, как отметил Гегель, уже «с Сократа начинается главный поворотный пункт духа, обращение его к самому себе» [1, с. 34]. Человек впервые становится проблемой для самого себя, осознавая себя при этом тем сущим, которому вверена как его собственная судьба, так и судьба создаваемого им мира культуры. В традиции европейской философии интерес к изучению человека как выделенного из всего сущего феномена стал настолько значительным, масштабным, что это позволило И. Канту свести три фундаментальных вопроса – «1. Что я могу знать?; 2. Что я должен делать?; 3. На что я смею надеяться?», находящихся в ведении философии как «науки о высшей максиме применения нашего разума», к последнему, находящемуся в ведении философской антропологии – «Что такое человек?» [2, с. 280].

В содержательных дискуссиях и острой полемике вокруг проблемы кризиса человека в эпоху постсовременности насущным представляется выявление тех инвариантных характеристик, которые закрепились в исторических образах человека в европейской философии Нового времени, а также сопоставительный анализ с подходом к проблеме человека, сложившимся в святоотеческом предании православной Церкви. Поиск стратегий выхода из глобального кризиса, эпицентром которого стала человеческая личность, возможен только на путях взаимообогащения и полилога традиций.

«Современность» (modernity), «новое время» как проекты культурного развития в истории европейской цивилизации получают свое концептуально-теоретическое обоснование в предметном поле философии. Гуманизм как идеология Возрождения «переоткрыл человека», выдвинув на передний план идею его самодостаточности, индивидуальности, расширив, таким образом, горизонт антропоцентристского мировоззрения. Возрожденческая концепция человека стала основанием для формирования учения о субъекте и человеческой субъективности в философии и культуре Нового времени.

Человек по-настоящему стал субъектом (досл. пер. греч. τὸ ὑποκείμενον на лат. sub-jectum – «под-лежащее», «находящееся в основе») в философской концепции Р. Декарта, который, подвергнув все сомнению (метод «радикального сомнения»), постулировал несомненность только «его cogito», «мыслящего Я» как перво-истины бытия. Человек становится опорой сущего в целом. В этой связи М. Хайдеггер отмечает, что метафизическим основанием эпохи Нового времени является «превращение мира в картину и человека в субъект», так что «человек борется здесь за позицию такого сущего, которое всему задает меру и предписывает норму» [3, с. 52]. Этот тезис становился краеугольным камнем рождающейся в XVI-XVII вв. «современности», а его трансляция и воплощение осуществлялись в социальной и культурной практике.

Философия «Нового времени» остается квинтэссенцией самосознания европейской культуры и по сей день. Дискуссии о «кризисе проекта модерна» и скором воцарении эпохи «постмодерна» в среде интеллектуалов явились следствием абсолютизации «новоевропейской мифологии» (А. Лосев) как универсальной и всеобъемлющей стратегии общественного развития. Кризис, который констатировали уже в XIX столетии, поставил под сомнение содержание парадигмальных оснований «эпохи модерна» и сформированный в эту эпоху образ человека. «Пытаясь разглядеть это *подлежащее*, *υποκειμενον*, ныне уже не европейского, а планетарного кризиса, – отмечает С. Хоружий, – различить за

кризисом жизни, мысли, культуры некоторый более глубинный, порождающий горизонт кризисного процесса, мы приходим к единственному выводу: этот глубинный и порождающий горизонт кризиса – человек» [5, с. 52-53].

Богословские размышления Святых Отцов православной Церкви о тайнах евангельского благовестия являются плодом их подвижнической жизни, в центре которой – Христос, поэтому и святоотеческое богословие – христоцентрично, богочеловечно, ориентировано на постижение сущности человеческой личности, «заклучает в себе действительную истину о человеке» (В. Несмелов) как богообразном и богоподобном существе. Непокосимость этой истины о человеке засвидетельствована Христом, его призывом к покаянию, перемене ума, жизни в соответствии с тем, что подлинно соответствует сложной духовно-телесной природе человека. Бог и человек в свете евангельской Истины – главная тема всех без исключения областей святоотеческого богословия – триадологии, христологии, сотериологии, эклесиологии, эсхатологии. Попытка объяснить отношения Бога к своему творению и проблема Богопознания часто приводили к разногласиям, которые решались на Вселенских и поместных соборах. Одной из попыток решения проблемы Богопознания явилось сложившееся в русле святоотеческой традиции «богословие энергий», которое зиждется на фундаментальном положении об относительной познаваемости Бога по его энергиям, действиям, проявлениям, но не по сущности. Апофатический (др.-греч. ἀποφατικός – «отрицательный») путь Богопознания предполагает энергийное познание Бога как «изъятая из всего сущего», нетождественного миру вещей и процессов. В этом смысле справедливо утверждение С. Хоружего об «энергийной антропологии» православного Востока в отличие от классического «эссенциалистского» понимания человека в европейской философской традиции. «Классическая антропология, – отмечает С. Хоружий, – будучи эссенциальной, утверждала глобальное господство законов, норм, жестких причинно-следственных связей; но в современном кризисе терпят крах и утрачивают силу все традиционные нормативные дискурсы – нравственные, социальные, правовые. Энергийная же антропология ставит в центр личностно-экзистенциальные и нравственно-волевые начала, стихию не закона, а благодати» [4, с. 147].

Образы человека, которые сформировались в русле европейской философской традиции и в святоотеческом предании православной Церкви представляют собой два пути постижения сущности «тайны из тайн» (Н. Страхов) – живой, активной, деятельной человеческой личности. В условиях глобального кризиса современности представляется важным наладить прерванный полилог традиций для достижения целостного видения проблемы сущности и перспектив человека, его настоящего и будущего. Надеемся, что в надвигающуюся эпоху «пост» человек устоит перед внешними и внутренними вызовами и соблазнами, и реализует с новой силой свой потенциал на путях служения высшим принципам и идеалам.

Литература

1. Гегель, Г.В.Ф. Лекции по истории философии: в 3 т. / Г.В.Ф. Гегель. – 2-е изд. – Санкт-Петербург: Наука (серия «Слово о сущем»), 2006. – Т. 2: Софисты, Сократ, сократики, Платон, Аристотель, стоики, Эпикур, скептики. – 424 с.
2. Кант, И. Сочинения: в 8 т. / И. Кант. – М.: ЧОРО, 1994. – Т. 8: Логика. Пособия к лекциям 1800 (Пер. И.К. Маркова и В.А. Жучкова). – С. 266-398.
3. Хайдеггер, М. Время картины мира // М. Хайдеггер. Время и бытие. Статьи и выступления; пер. с нем. В.В. Библихин / М. Хайдеггер. – М.: Республика, 1993. – С. 41-62.
4. Хоружий, С.С. Кризис европейского человека и ресурсы христианской антропологии / С.С. Хоружий // Церковь и время. – 2006. – № 2 (35). – С. 137-148.
5. Хоружий, С.С. Ницше и Соловьев в кризисе европейского человека / С.С. Хоружий // Вопросы философии. – 2002. – № 2. – С. 52-69.